

*Диакон Георгий Малков
Петр Малков*

У ПЕЩЕР «БОГОМ ЗДАНЫХ»

**У пещер «Богом зданных».
Псково-Печерские подвижники
благочестия XX века**

Фонд «Традиция»

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

У пещер «Богом зданных». Псково-Печерские подвижники
благочестия XX века / Фонд «Традиция»,

ISBN 978-5-00152-029-0

Псково-Печерский монастырь известен каждому православному человеку. Многие, посетив обитель однажды, вновь и вновь стремятся в ней побывать. Сюда людей привлекает живописный уголок Псковской земли, непрекращающаяся с самого открытия монастыря молитва, а главное, истинные подвижники, чьи имена и труды прославили древнюю обитель. Наставления Псково-Печерских старцев, удивительные воспоминания их духовных чад, истинные чудеса нашего времени и сокрытые от людского взора духовные битвы — об этом Вы прочтаете в новой редакции книги «У пещер “Богом зданных”».

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-00152-029-0

© Фонд «Традиция»

Содержание

Предисловие	7
Часть I	10
От составителей	12
Глава 1	16
Из «Автобиографических записей»[4] старца Симеона	17
Воспоминания современницы	21
Из воспоминаний С. Н. Большакова	22
Воспоминания схимника Феодора	23
Глава 2	28
Из воспоминаний архимандрита Иеронима (Тихомирова)	30
Старец – утешитель [1950-е годы]	31
Воспоминания об отце Симеоне Евдокии Вересовой	32
Из «Записок духовной дочери отца Симеона (рабы Божией Антонины, жительницы Печор, 65 лет), стоявшей на краю гибели и возрожденной старцем к новой жизни»[13]	33
Страница воспоминаний (рассказ духовной дочери старца Симеона, жительницы города С.)	36
Из воспоминаний протоиерея Евгения Пелешева, настоятеля храма святой великомученицы Варвары в Печорах[14]	38
Из воспоминаний игумена Давида (Попикова)[15]	40
Спасение от гибели рабы Божией Марии (по рассказу матушки Александры)	40
Последствия непослушания старцу рабы Божией Любви (по рассказу матушки Александры)	40
Из воспоминаний А. П. Васильевой (Царевой), духовной дочери старца Симеона[17]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**диакон Георгий (Ю. Г.
Малков), Петр Малков
У пещер «Богом зданных».
Псково-Печерские подвижники
благочестия XX века
*Издание третье***

© Фонд «Традиция», 2019

© Псково-Печерский монастырь, 2019

Бог не забудет труда подвигов отцов наших, прежде почивших и ныне живущих, но скажет: пощажу место сие ради Себя и ради тех, которые верно служат Мне на оном...

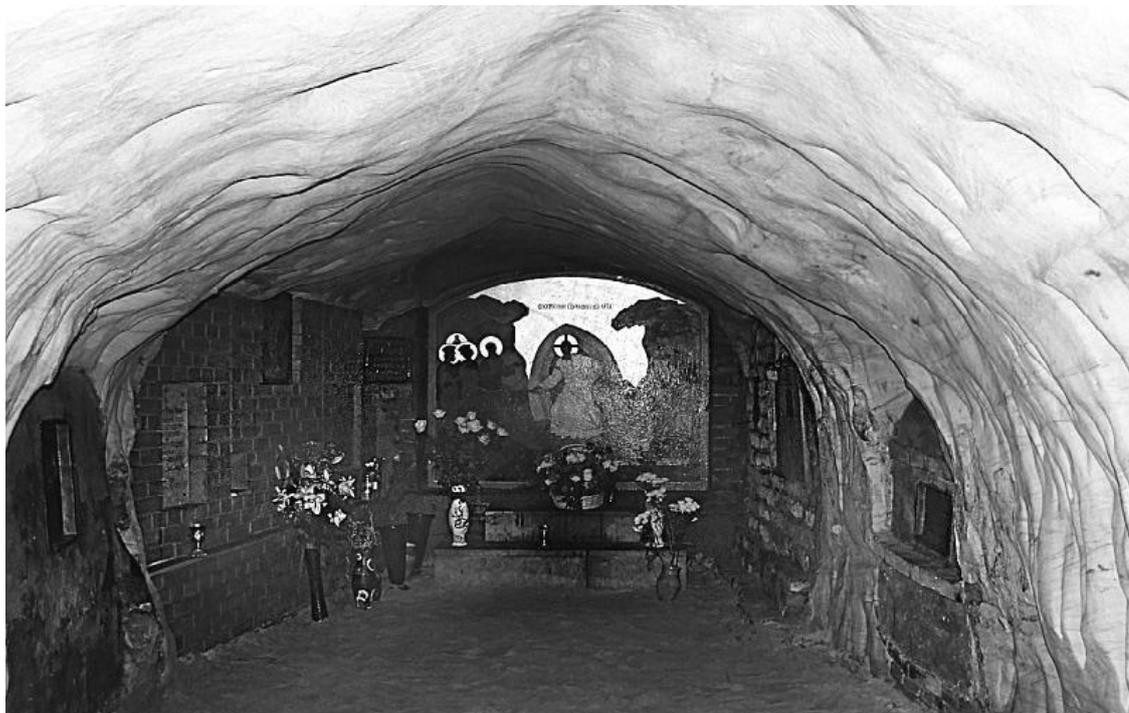
Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк «Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников»

Испытавшие от старых человек и ту живших близ монастыря Пречистья, яже суть истина и неложна, свидетель же сему Бог и Богородица, ничтоже вписах от своего ума еже небу, но еже бысть и бывает, и яже слышахом, иная же и видехом и извопрошавше правое, положихом писанием памяти ради и единоречия по нас братиам...

Преподобномученик Корнилий Псково-Печерский «Повесть о начале Печерского монастыря»

Предисловие

Земная жизнь христианина – поистине единственное и драгоценное время, данное каждому человеку для приготовления к Жизни Вечной. Поэтому христианину нужно жить в Церкви и Церковью. Жить, основываясь на евангельских истинах, смысл и глубину которых мы можем понять и увидеть лишь в Церкви.

Именно об этом в одной из своих проповедей говорил Псково-Печерский старец отец Иоанн (Крестьянкин): «Надо иметь живое и постоянное общение с Православной Церковью в ее молитвах, учении, таинствах, надо знать свою веру, изучать ее, проникаться и жить ее духом, руководствоваться ее правилами, заповедями и уставами. А главное – необходимо постоянно восстанавливать в себе глубоким покаянием образ истинно православного христианина по примеру святых Божиих людей, живших во все времена...»¹

В годы большевистских гонений, несмотря на то, что многие монастыри были закрыты, разорены, а их насельники томились в советских лагерях – они продолжали нести свет евангельской Истины в мир. После гражданской войны несколько русских православных обителей оказались на территории Прибалтийских республик. Большой известностью и почитанием среди них пользовался Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, оказавшийся на территории Эстонии.

* * *

Чтимые монастырские иконы Божией Матери: «Успение, в житии», «Умиление-Владимирская» (написанная, по преданию, самим игуменом Корнилием), «Одигитрия» уже в XV–XVI веках прославились многими чудесами и заступничеством за православных христиан. Печерская обитель также известна своим письменным наследием: с середины XVI столетия

¹ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Проповеди. М., 1993. С. 207–208.

здесь велась летопись Древнего Пскова и была собрана богатая по тем временам библиотека, в частности, сохранившая для нас «список» XV века ценнейшей древнерусской повести «Сказания о погибели земли Русской» (о нашествии хана Батые); отсюда же происходят и так называемые «Печерские сборники», донесшие до нас выдающийся исторический и литературный памятник – переписку князя Курбского с царем Иваном Грозным.

Псково-Печерская обитель взрастила немало архипастырей и Первосвятителей Российских. Так, наместниками монастыря были будущие Святейшие Патриархи Московские и всея Руси – Иоасаф I и Пимен.

Многие воспитанные в обители иноки сподобились общецерковного прославления. В 1987 году их внесли в сонм Собора Псковских святых, а в 1990 году состоялось и утверждение особого празднования в память Собора Псково-Печерских святых, совершаемого в 4-ю неделю по Пятидесятнице. В эти дни поминаются: преподобномученики – игумен Корнилий, старец Вассиан; преподобные – Марк, Иона и Дорофей, Югский чудотворец, постриженник Псково-Печерский; преподобная мать Васса; праведный Лазарь схимник, прозорливый. В Собор Псково-Печерских святых были также добавлены преподобный Симеон (Желнин) Псково-Печерский и священномученик Александр (Петровский), бывший наместником монастыря в 1917–1918 годах.

По милости Божией, Псково-Печерская обитель никогда не закрывалась. Даже во времена хрущевских гонений, благодаря мужеству и мудрости наместника монастыря архимандрита Алипия (Воронова), «властям беззаконным» не удалось закрыть обитель.

Поэтому древняя традиция иночества сохранилась и до наших дней. В Псково-Печерской обители, как и во многих других монастырях, всегда существовала особая форма иноческого «детоводительства ко Христу» – старчество.

В XX веке традиции старчества продолжали старейшие насельники монастыря – архимандриты: Александр (Васильев), Нафанаил (Поспелов), Иоанн (Крестьянкин), Елеазар (Иванов), Адриан (Кирсанов). Они вели по пути спасения и молодых иноков, и паломников, посещающих обитель, и духовных чад, живущих в миру.

Неоценимую помощь в деле благого устроения наших душ оказывает уяснение опыта ранее живших православных подвижников, засвидетельствованного в их поучениях и письмах, в историко-документальных материалах о них, а также в народных преданиях об их жизни и подвигах, в воспоминаниях современников.

Жизнеописания как уже прославленных Церковью святых, так и менее известных подвижников благочестия – есть живая школа православной мудрости и веры. И в наше время святые являют нам яркие, живые образы «Божиих людей», которые и теперь ходатайствуют за нас пред престолом Божиим, «ибо у Него все живы» (Лк 20, 38).

Книга, которую вы держите в руках, повествует о жизни замечательных подвижников XX века, подвизавшихся в Псково-Печерской обители, и призвана познакомить читателя с необходимым и душеполезным опытом глубокой и искренней веры в Бога.

Часть I
Жизнеописание преподобного СИМЕОНА
Псково-Печерского (1869–1960)

Старец иеросхимонах Симеон

От составителей

Сохранились лишь немногочисленные исторические документы и воспоминания о псково-печерском старце и провидце – преподобном Симеоне (Желнине), но они свидетельствуют, какой истинный светильник веры более 60 лет сиял в Псково-Печерской обители.

Один из печерских священников, знавший его в юные годы, отметил: «...Мы, жившие рядом с ним, не очень обращали внимание на его праведность и прозорливость, а он действительно был провидцем, и потому десятки и сотни людей приезжали к нему за советом и благословением. Многим он открывал события их будущей жизни. Он и мою будущность предсказал, только сделал это не в глаза мне, а через людей, которые передали мне его слова лет через десять после его кончины.

В обители память его и по сей день почитается с особым усердием. О нем можно и нужно сказать словами Священного Писания: “Праведники веки живут” (Прем 5, 15). И я надеюсь, что придет время, когда мы сможем обращаться к нашему дорогому усопшему с великой просьбой: “Праведный отче Симеоне, моли Бога о нас!”»² (В 2003 году состоялось причисление печерского старца Симеона (Желнина) к лику святых в чине преподобных, его святые мощи находятся в Сретенском храме монастыря. – Прим ред.)

² Протоиерей Евгений Пелешев. При пяти настоятелях/В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). М.: Отчий дом, 1998. С. 108–110.

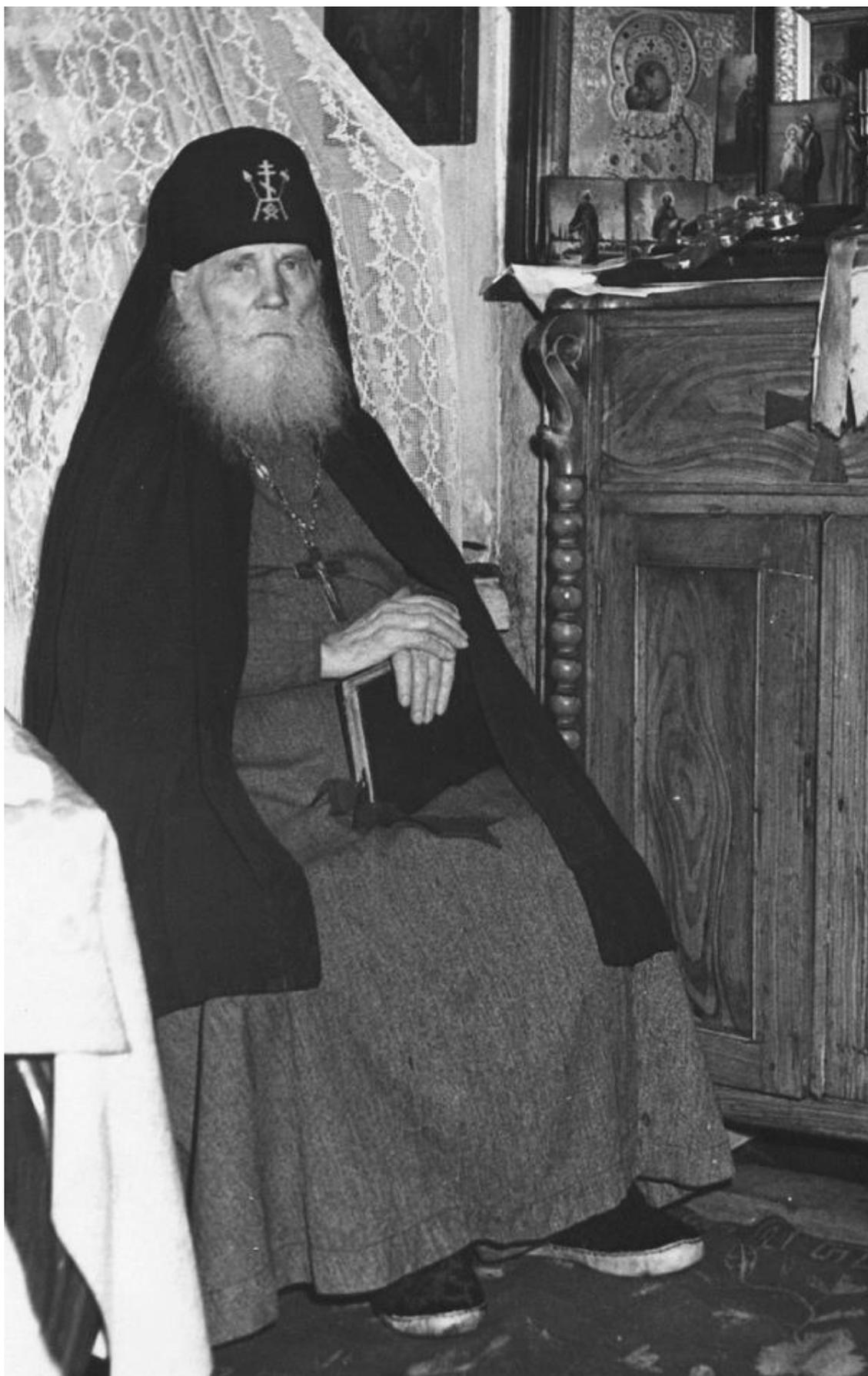

Столбики, изготовленные преподобным Симеоном

Опубликованные в этой книге рассказы о старце Симеоне безыскусны, но увлекательны и в высшей степени поучительны, так как в них воссоздается духовный облик самого отца

Симеона, сочетавшего в себе смирение и простоту с «старческим» богомыслием и прозорливостью.

Особенно ценно, что при подготовке настоящего издания нам удалось обнаружить ряд не публиковавшихся ранее письменных свидетельств о старце, а также побеседовать с его духовными чадами, поделившимися личными воспоминаниями о своем духовнике.

Старец иеросхимонах Симеон

Глава 1

«Вот тебе келья, здесь и умрешь» (краткое жизнеописание старца Симеона)

Старец Симеон (в миру – Василий Иванович Желнин) родился 1 марта 1869 года в крестьянской семье в д. Яковлевской Островского уезда Псковской губернии. Крещен был в храме погоста Вехнево.

Уже с детских лет Василий, под впечатлением рассказов о преподобном Серафиме Саровском (задолго до его прославления), устремился встать на иноческий путь, подражая этому великому молитвеннику земли Русской.

Духовному развитию будущего инок содействовало и его общение с известным своей прозорливостью отцом Корнилием³, монахом местного Крыпецкого монастыря. Укрепилось же в отрочке Василии благое желание принять иноческий постриг после неоднократных посещений им вместе с родителями, Иоанном и Наталией, Псково-Печерской обители.

Предоставим слово самому отцу Симеону, в конце жизни рассказавшему о себе в предельно простой и скромной автобиографии.

³ См. о нем: Священник Алексей Ионов. Блаженный монах Корнилий. Биографический очерк. Рига, 1944.

Мемориальная келья старца Симеона

Из «Автобиографических записей»⁴ старца Симеона

Жил я в доме своего отца в деревне Псковской губернии. В семилетнем возрасте я помню, как в дом отца моего приезжал, бывало, отец Корнилий, монах Крыпецкого монастыря. Иногда и ночевал у нас, и ложился спать всегда со мною, и, бывало, говорил мне: «Будешь ты монахом, будешь старец великий». Иногда брал меня с собою по сбору [пожертвований на монастырь]⁵ и говорил: «Вася, вот здесь не дадут, а вот здесь подадут нам», – так и бывало. И много другого говорил он, но я уже забыл.

Будучи 10 лет, я пас своих лошадей и слышал, как люди рассказывали про жизнь отца Серафима, Саровского чудотворца. Как он молился на камне в лесу. Вот я и задумал подражать ему. Нашел в поле большой камень и стал на нем молиться. В возрасте 12–13 лет ежегодно ходил я со своими родителями в Печерский монастырь помолиться. Так мне все в нем нравилось и так хотелось остаться в нем навсегда, и эта мысль меня никогда не покидала. Когда исполнилось мне 20 лет, я стал просить отца, чтобы он отпустил меня в монастырь, но он и слушать не хотел, а говорил: «Женить тебя надо, а не в монахи»; а я еще ответил: «Не хочу жениться и не буду никогда». И так продолжалось до 25-летнего возраста.

⁴ Публикуется по наиболее полному машинописному варианту краткого «Жизнеописания иеросхимонаха Симеона» (36 страниц текста, в который включена и автобиография старца), хранящегося в библиотеке-архиве Псково-Печерского монастыря (№ 9293). Хотя монастырское «Жизнеописание...» и не имеет подписи автора-составителя, известно, что самое деятельное участие в сборе и первоначальной систематизации исторических материалов в последние десятилетия принимал псково-печерский архимандрит Нафанаил (Поспелов).

⁵ Здесь и далее пояснения и дополнения, внесенные при настоящей публикации составителями, даются в квадратных скобках, сокращения – отточиями в угловых скобках. – *Ред.*

В это время жил в нашей местности старец Симеон, как звали его наши деревенские люди, и считали его за блаженного. Этот старец приходил в дом отца моего; родители принимали его, и он иногда оставался ночевать. И вот однажды я решил спросить его совета и благословения идти в монастырь, но он никогда не давал мне на это никакого ответа. А вот в одно прекрасное время приходит к нам в дом и говорит отцу: «Я пришел к тебе умирать». А я в это время подхожу и говорю: «Батюшка, благослови меня в монастырь!» Он берет веревку, свернул ее жгутом и давай меня бить и гнать из дома во двор, со двора на улицу и гнал вдоль улицы за деревню, а потом вернулся домой, сел на лавку, затем лег и умер. Люди, видевшие это, поняли, что он выгонял меня из дома идти в монастырь. Но отец по-прежнему не хотел отпускать меня; но потом смирился и отпустил.

По прибытии в монастырь был я принят отцом Мефодием⁶, бывшим в то время наместником монастыря. Он взял меня к себе в келейники. Жил он в настоятельском доме – наверху. Пробыв у него в келейниках семь лет, я кроме келейного послушания нес еще общее послушание монастырское, как и вся братия. В это время строили за монастырскими святыми воротами гостиницу для приходящих и приезжих богомольцев. Некоторые из братии работали здесь с 5 часов утра и до позднего вечера, до ужина. И так продолжалось пять лет, и в продолжение этого времени мне мало приходилось спать на постели; я большей частью засыпал, сидя за столом за книгой, и, бывало, проспичь так до утра, когда надо уже идти на работу.

Со времен преподобного Корнилия и в наше время был установлен крестный ход с чудотворными иконами в Псков, Изборск, Порхов, Остров, Качаново, Палкино и другие места Латвии и Эстонии в память победы над Баторием и другими народами. В память чудесного заступления образа Успения Божией Матери и образа Умиления Божией Матери крестные ходы назначались по указанию и расписанию. На это по распоряжению правящих иерархов Псковской епархии назначались местным наместником иеромонахи, иеродиаконы и послушники на совершение молебнов, а также певцы и охраняющие святые иконы монахи и руководящие крестным ходом. Иногда и сам отец наместник сопровождал крестный ход, служил в приходах Божественную литургию, куда и меня брал, так как я был уже иеродиаконом. Он любил меня за голос – громкий тенор. Ночевали в деревнях у прихожан; ели, что было приготовлено. И скажет, бывало, наместник: «Не гнушайся. Что подадут, то и кушай, ибо Господь сказал ученикам, чтобы они ели то, что им подадут – где они находились в доме. На это Он дал им благословение».

Однажды наместник при разговоре со мной – это было в конце его земной жизни – сказал мне: «Я скоро умру, в день Пасхи, но не дома; а когда меня привезут и будут брать мое тело, то на один час будет от моего тела запах тления, а когда внесут в пещеры, то запах прекратится». Когда он говорил о смерти, то упомянул, почему на время от его тела будет [исходить] запах тления: «Это, – говорит, – потому, что меня люди везде хвалили; вот Господь и захотел смирить меня этим запахом по смерти, чтобы я не превозносился». <...>

Так в действительности и исполнилось его предсказание. На Страстной неделе [в 1906 году] отец Мефодий был вызван в Питер в Святейший Синод. Там он заболел и умер в первый день Пасхи; и все, что он сказал о себе, все исполнилось в точности. Когда гроб ввезли в Печоры, то тление прекратилось, а когда внесли в монастырь и в церковь, то от тела было благоухание.

Пробыв несколько лет в чине иеродиакона, я был посвящен в иеромонахи, после чего вскоре был назначен в Псков, в Снетогорский монастырь, в качестве эконома – для восстанов-

⁶ Архимандрит Мефодий (Холмский; 1831–1906) был наместником Псково-Печерского монастыря с 1894 по 1906 год, особенно проявил себя в качестве неутомимого строителя обители. Неоднократно бывал гостем Царской Семьи и сам принимал ее в монастыре в 1903 году.

ления монастыря и монастырского хозяйства. Прожив там четыре года, вплоть до революции, при епископе Евсевии⁷ вернулся обратно в обитель свою, будучи сорока шести лет. <...>

[В середине 1920-х годов] начальство монастыря хотело возложить на меня большое бремя послушания, поставить наместником монастыря. Видя, что это послушание мне не под силу, стал отказываться; да к тому я очень устал – и на этом основании стал просить схиму, в чем мне впервые отказали и все же настаивали, чтобы я принял наместничество. Но я наотрез отказался от этого еще ввиду внутреннего внушения принять схиму. На это упорно не соглашался епископ Иоанн Булин, но, наконец, все же согласился и разрешил постричь меня с именем Симеон – в память Симеона Богоприимца – 2 февраля (1927 года. – *Прим. ред.*) и перевел меня в келью рядом с храмом Успения Божией Матери, куда привел сам и сказал: «Вот тебе келья, здесь и умрешь».

⁷ Епископ Евсевий (Гроздов; 1866–1930) – перед революцией возглавлял кафедру Псковскую и Порховскую; затем в Эстонии был в 20-х годах архиепископом Нарвским. Краткая биография его такова: «Евстафий Гроздов (в монашестве Евсевий) родился 17 марта 1866 года. В 1890 году окончил С. – Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 6 марта этого же года рукоположен во священника и назначен служить в Виленский кафедральный собор. Одновременно является законоучителем образцовой школы при Литовской духовной семинарии. В 1895 году избирается сверхштатным членом Литовской Духовной Консистории. В 1899 году он уже инспектор Литовской духовной семинарии. В 1902 году отец Евстафий принимает монашеский постриг с именем Евсевий. Через год возведен в сан архимандрита с назначением ректором Ярославской духовной семинарии. А по прошествии еще трех лет, в 1906 году, архимандрит Евсевий хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1909–1910 годах последовательно занимал Рыбинскую и Тобольскую (Сибирскую) кафедры. Участвовал в прославлении святителя Иоанна, митрополита Тобольского. С 17 апреля 1912 года Преосвященный Евсевий занимает Псковскую кафедру. Здесь застала его революция и гражданская война. В 1918 году вместе с отступающими белыми войсками армии генерала Юденича Владыка Евсевий покидает Псков, взяв с собой причт кафедрального собора, во главе с настоятелем Черноезерским и протодиаконом Сахаровым. Последние годы своей жизни Владыка провел в Эстонии. В апреле 1918 года он был возведен в сан архиепископа. С 1924 года возглавлял автономную Нарвскую русскую епархию в Эстонии. Скончался в 1930 году (по другим сведениям в 1929 году). Погребен в Нарве». (см.: Благодатные лучи//Вестник Псковской Епархии. № 3 (22). Май – июль 1995. С. 18).

Иеромонах Вассиан, будущий старец Симеон

В действительности эта келья представляла нечто ужасное: грязная, мрачная, сырая, темная, стены мокрые, воздух сырой – одна комната с одним оконцем. Размер комнаты 3 на 5 метров, с длинным темным коридором 2х10 метров; стены голые, песчаные. Много пришлось приложить трудов, чтобы придать вид жилого помещения. Крыша дырявая; сырость попадала на потолок, а с потолка в келью. Пришлось установить три печки, провести трубы вдоль коридора, чтобы осушить, оштукатурить, побелить, и все это почти своими руками. Но с Божией помощью все это проделал и смирился.

Но это еще не все – враг рода человеческого не оставляет в покое человека, а в особенности тех, которые решились последовать Христу и идти Его крестным путем. По прибытии в новую келью, в которую меня привел настоятель, и где мне пришлось ночевать первую ночь одному, приступили ко мне злые духи, которых стала полная келья. Страшные такие. Я их раньше никогда не видел и страшно испугался и не знал, что и делать. А они начали на меня кричать, дергать и гнать. Говорят: «Зачем ты сюда пришел? Уходи отсюда, все равно мы не дадим тебе здесь жить», и тому подобное. Я закрыл лицо свое руками, чтобы их не видеть, а сам трясся от страха да только говорил: «Господи, прими дух мой». Думал, что и не переживу этой страсти, от которой даже не мог перекреститься. Во втором часу [ночи] они скрылись, а я не мог уже уснуть. Такие страхи продолжались много раз, но мне уже не так были страшны при помощи Божией, как в первое время; и я уже научился отражать их силою Креста и молитвы. Вот так и дожил до конца моей жизни – в этой келье, по благословению епископа Иоанна. Труден путь монашеский, но труднее подвиг схимнический – если идти так, как указал нам Подвигположник наш Господь Иисус Христос.

При помощи Святаго Духа все возможно победить, перенести, претерпеть и достигнуть вожделенного, обетованного нам, неизглаголанного вечного наследия в Его Царствии Небесном.

Воспоминания современницы

Мне было 7–8 лет, училась я в монастырской школе, а потом это здание сделали гостиницей.

В то время отец Симеон был послушником с именем Василий у наместника монастыря. Иногда он ездил на лошадях на станцию, к поезду, для встречи приезжающих гостей из духовного и гражданского сословия и административных лиц. Также отвозил их к поезду после посещения обители; и это было часто.

Мы, дети, караулили дядю Васю, как мы тогда его звали. Бывало, видим, что он один едет, и кричим ему: «Дядя Вася, прокати нас!» Он остановит лошадей и посадит нас, провезет по городу, потом мы слезем, а иногда и до станции довезет. Если нет пассажиров, то и обратно нас возьмет, и опять через город проедем; а есть пассажиры, то обратно бежим три версты. И все это было для нас большим удовольствием.

Дядя Вася не был кучером специально, но отец наместник любил его за кроткий, услужливый, скромный и тихий характер, поэтому и посылал его для встречи разных лиц: потому что он умел с гостями обходиться вежливо. И мы, в то время дети, тоже так рассуждали между собой о дяде Васе.

При монастыре были специально выездные лошади и каретный сарай. Летом отец Симеон выезжал в подряснике, в скуфье, с небольшой русой бородкой и небольшими волосами по плечи, а зимой – в шубе и шапке, подпоясанный красным кушаком, что придавало ему величавый вид кучера.

Конский двор и каретный сарай находились внутри монастыря; были они благодаря стараниям отца Симеона в хорошем состоянии – и сбруя тоже, потому что приходилось возить

высокопоставленных лиц. Скотный двор и жилые помещения для рабочих находились около монастыря; там же и огород был.

И рассказывали интересное о старце его монашествующие и гражданские современники, которые работали вместе с ним в поле, в лесу и на огороде. Он без дела никогда не сидел; хотя был уже в схиме, все равно трудился по хозяйству над чем-нибудь. Разводил древесный питомник, рассаживал деревья, выделявал цементные столбики, ступени для лестниц, выделял для них модели.

Порою ухаживал за пчелами и много чего делал другого. Делал оконные рамы, кивоты для икон; и так всю свою 92-летнюю жизнь трудился. Всегда был бодрый, свежий, на лице румянец, крепкий телосложением, среднего роста, коренастый старец.

Духовная зрелость иеромонаха Вассиана, которой он достиг уже к началу 1920-х годов, видна даже из кратких упоминаний о нем в записках С. Н. Большакова «На высотах духа». Рассказывая, в частности, о своих посещениях Печерского монастыря в 1924–1926 годах, автор записок вспоминает и о встречах с духовным сыном отца Вассиана – Сергеем Мироновичем Паулем (последний иногда пересказывал С. Н. Большакову некоторые из иноческих советов старца). Не оставляет безразличным жизненный путь самого С. М. Пауля – стезя, исполненная тяжких испытаний, однако не озлобивших его, что, верно, и ценил в нем духовный наставник.

Иноческая мудрость отца Симеона, его знание людей и поистине старческая прозорливость особенно явно ощущаются на примере этой нелегкой судьбы белого офицера. Старец не только принял и утешил послушника Сергия, но и, укрепив его душу, отправил обратно «в мир» – для служения Богу и людям.

Из воспоминаний С. Н. Большакова

«С Сергеем Мироновичем Паулем я познакомился в Юрьеве, по-эстонски – Тарту, в Эстонии, в 1924 году. Он был старшим сыном М. А. Пауля, эстляндского вице-губернатора... М. А. Пауль кончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где он был одним из любимых учеников архимандрита Антония Храповицкого, позже Киевского митрополита. Вскоре по окончании Академии Пауль [отец] перешел на гражданскую службу... Сергей Миронович по окончании среднего образования поступил в университет, а затем, по военному времени, в военное училище, откуда и был выпущен офицером. Сергей Миронович сражался в Первую мировую войну, а затем в гражданскую, в которой он получил, в Ледяном походе, страшную рану: пуля, войдя в левый глаз, вышла через правое ухо. Сергей Миронович ослеп на один глаз и оглох на одно ухо. Некоторые части мозга были затронуты, и он был вынужден подвергаться каждые три года операциям в мозгу. Все это его нисколько не ожесточило и не озлобило. Сергей Миронович был всегда ровен, ласков и никогда никого не судил. <...>

Вернувшись в Эстонию, Сергей Миронович блестяще кончил Юрьевский университет и должен был остаться для приготовления к профессорской кафедре по химии. Вместо этого он ушел послушником в Псково-Печерский монастырь.

<...> Он никогда не заботился о том, что есть и что пить и во что одеться. И все как-то устраивалось к лучшему. О карьере никогда не думал, был прост, хотя высокообразован и начитан. Все, что имел, раздавал. В Псково-Печерском монастыре он пробыл около трех лет, но не постригся, а... вернулся в мир... по повелению своего Старца, иеромонаха Вассиана, скончавшегося иеросхимонахом Симеоном... «Сергей Миронович, – сказал ему отец Вассиан, – гряди в мир, там такие люди куда нужнее, чем здесь. Учи самим примером жизни. А придет время, вернешься, если Господь благословит».

По выходе из монастыря Сергей Миронович... был назначен управляющим одной химической лабораторией. Скончался он, как я слышал, в сороковых годах. Сергей Миронович научился молитве Иисусовой, когда он был еще в одном сербском монастыре в самом начале двадцатых годов. Он преуспел в ней... достигнув внутреннего безмолвия, постоянного спокойствия и радости. С Сергеем Мироновичем я часто бывал в Юрьеве и в Псково-Печерском монастыре.

Раз зашел он ко мне в келью... <...>

– Скажите, брат Сергей, – спросил я послушника, – как Вы осваиваетесь с новым положением? [Сергей Миронович Пауль незадолго перед этим поступил послушником в Псково-Печерскую обитель.]

– Очень хорошо, лучше, чем в Сербии, где было много русских интеллигентов. Без них лучше.

– Почему?

– Да потому, что простые люди, как здесь, цельнее, а интеллигенты от одного берега отстали, а к другому не пристали – и маются: старую, цельную, прадедовскую веру они потеряли, а вульгарного атеизма, хамства и разнузданности переварить тоже не могут. Хромают на обе ноги. Здесь только Настоятель да еще один иеродиакон из образованных, а все прочие – простецы, сиречь мужики. Когда я сюда пришел, Старец мой, монастырский духовник, отец Василий [в книге опечатка – должно быть «отец Вассиан»] мне и говорит: «Вот, Сергей Миронович, Вы пришли в монастырь. В Сербии уже в монастыре жили, знаете, что за жизнь. Преосвященный Феофан Затворник мудро писал, если уж монастырь – так на одиночество, церковь да келья; молись и трудись – и все. Сиди в келье, она тебя всему научит. А если будешь пускаться в беседы с братьей, то всего наслушаешься и не только из монастыря можешь уйти, но и веру потерять, удивляясь, как люди столько лет в Обители прожили, а полны пустоты, зависти, чванства и т. п. Вот ты научен молитве Иисусовой, в ней подвизайся, а за советом о ней обращай к отцу Аркадию: он много о ней знает». Вот я так и живу, и отказываюсь ходить на беседы и разговоры, за что меня даже гордым считают.

– А скажите, Сергей Миронович, весьма ли полезна молитва Иисусова?

– Очень, только нужно проходить ее в духе кротости, а иначе легко впасть в духовную прелесть и возомнить о себе недолжное. <...> Лучший путь, о котором говорится в Евангелии: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

– Значит, Вы пришли в монастырь познать истину?

– Монастырь, Сергей Николаевич, есть школа духовная... но это не есть школа формального исследования, как семинария, а духовного опыта.

– А найдете ли Вы искомое?

– А это Старцу лучше знать. Я хотел бы остаться здесь, но если Старец пошлет в мир, то пойду...»⁸

С жизнью отца Симеона в 1930-е годы нас знакомят краткие воспоминания схимника Феодора (Иртеля), бывшего валаамского послушника, который записал их (на основе нескольких встреч со старцем) гораздо позднее, уже в 1973 году, в США.

Воспоминания схимника Феодора

Жил он в келье Печерского монастыря – 20 ступеней под землей⁹. Это была келья очередного духовника братии.

⁸ Печ. по: Большаков С. Н. На высотах духа. – М., 1993. – С. 25–29. Книга написана в 1966 году и вышла из печати за границей; в Москве впервые издана в 1993 году.

⁹ Речь идет об одном из входов в монастырские помещения, где находилась келья отца Симеона, а именно о входе сверху из сада – со Святой горы. Основной же вход в келью находится у западного края площади перед Успенским храмом, непо-

«Не зашибись-то головою», – говорил он откуда-то из-под земли, когда я, постучав с молитвой Иисусовой в наружную дверь, спускался к нему на исповедь. Он встречал с тонкой восковой свечечкой в руке, садился со мной у угла покрытого темной скатертью стола. На стене висела большая икона-картина Воскресения Христова – с припавшей к ногам Воскресшего святой Марией Магдалиной.

Говорил Симеон просто, с псковским акцентом, о впадающем в грех послушнике: «Только бы не прилакомился». Днем отец Симеон работал в столярной мастерской или на Святой горе с пчелками. До избрания своего на должность духовника братии Печерского монастыря жил он много лет на монастырском хуторе Мустыщево с послушником, братом Константином, в безмолвии и уединении.

Вспоминал мне о своем начальном послушании, когда вступил в братство Печерского монастыря, – ламповщика. Он заправлял по монастырю лампы, кроме других работ.

В последние годы отец Симеон страдал ревматическими болями от жизни под землей и потому на уклоне горы, где протекал ручей Каменец, насупротив епископского дома, искусно построил себе деревянную келью для дневного отдыха.

Большой толпой шли к нему печерянки за советами и для исповеди – это походило на старчество. Также прилеплялся к нему печерский юродивый Васенька Чарский, тридцатилетний, но детски простой и наивный молитвенничек. Отец Симеон на собранные по Печорам Васенькины копейки покупал ему сапоги и одежду.

Старец иеросхимонах Симеон с духовными чадами

Во время чтения Евангелия за ранней литургией в подземном Успенском соборе отец Симеон часто плакал, прерывая чтение. Я прислуживал ему за этими ранними литургиями.

«Собирался я до войны на Валаам, – говорил мне отец Симеон, – да не доехал. Война задержала; да я после и не жалел; говорили мне, что там много зависти между монахами: кто более молится».

Отец Симеон был прост, ревнитель безмолвия, старец по дарованию от Бога – в этой простой и суровой внешней оболочке таился дивный огненный цветок любви Божией.

В 1930-е годы старец Симеон обрел, наконец, желанный покой от внешних дел и полностью отдался внутреннему деланию. Пост иноческий, неукоснительное посещение храма Божия, постоянная Иисусова молитва, келейное молитвенное предстояние за братию и ближних, за весь православный мир, особенно же за страждущее Отечество Российское, – вот что становится отныне основным содержанием монашеского жития печерского подвижника.

У него появилось время и для чтения сочинений духоносных иноков: многие из богомудрых советов опытных аскетов древности он запоминал, кое-что выписывал. Старец часто пользовался и такими известными сборниками аскетического характера, как «Добротолюбие», «Отечник», «Цветник Духовный» в поисках ответов на собственные вопросы и для воспитания своей многочисленной паствы. А число жаждавших его молитвенной помощи, вразумления и советов все увеличивалось. В приходжей его древней «Лазаревской кельи» собиралось все больше людей, нередко подолгу ожидавших вызова на беседу. И все чаще и чаще приходилось старцу нести особо трудное, и даже небезопасное в духовном смысле, послушание – отчитывание бесноватых, которое ему как многоопытному иноку доверило монастырское начальство. Но что было безотказным и победным его оружием над «князем тьмы»? Это строгий пост, углубленная молитва и столь всегда естественное для отца Симеона смирение.

Летом 1944 года немцы, готовясь к отступлению, потребовали от монастырского начальства согласия на эвакуацию всех насельников обители в Германию, причем с оформлением соответствующего официального документа. Это распоряжение было передано офицером военной комендатуры вечером, и представитель монастыря – архимандрит Никон (Мико; 1874–1952) решил затянуть ответ хотя бы до утра, сославшись на плохое знание немецкого языка и отсутствие переводчика. Офицер обещал прийти утром. И тогда вся братия собралась в Успенском храме на молитву перед ракой с мощами преподобномученика Корнилия и перед чудотворным образом Успения Божией Матери, взывая со слезами о небесном заступничестве за Дом Пресвятой Богородицы – родную Печерскую обитель. Возглавил эту длившуюся всю ночь горячую молитву иеросхимонах Симеон вместе с иеромонахами Анатолием, Аркадием, Исаакием, Серафимом и иеродиаконом Ионой, который сказал тогда: «Мы никогда не уйдем отсюда, несмотря даже на близкое пришествие “красных”; мы, прежде всего, монахи русского православного монастыря, и хотя и погибнем, но не уйдем отсюда, не предадим своей обители».

Отец Иона вспоминал позднее об этой скорбной ночной молитве, приведшей к чудесному избавлению: «Столь неопишуемые минуты можно понять только тому, кто был смертником и потом его вдруг помиловали, – нас спасла любовь к обители и непобедимая помощь Неба, ибо Бог не в силе, а в правде».

Наутро в монастыре появился военный комендант с переводчиком, но сломить волю иноков не смог. Немецкие машины простояли у монастырских ворот три часа, однако из обители так никто и не вышел.

По молитвам иноков во главе с отцом Симеоном и по непреложному заступничеству неизменной Хранительницы нашей, Пресвятой Богородицы, Печерская обитель осталась целой и невредимой.

Прошло всего два-три года после окончания войны, а из всех уголков Русской земли в обитель начали стекаться сотни, а затем и тысячи паломников.

Для батюшки Симеона наступила пора новых пастырских трудов: он и духовный наставник, и просветитель, и многозаботливый утешитель «страждущих и обремененных» соотечественников, узнавших о существовании такого светильника Божия в ранее недоступном для них Псково-Печерском монастыре. В беззаветном старческом служении протекли те, наиболее хорошо известные нам полтора десятилетия его жизни.

Пребывая уже на пороге вечности, старец теперь все силы отдавал духовному окормлению «народа Божия» – православных верующих России. К их воспоминаниям о благодатном старце в эти годы мы и обратимся в следующей главе его жизнеописания.

Старец иеросхимонах Симеон

Глава 2

«Вера в Бога, надежда на Бога – всё исправят...» (духовные советы отца Симеона)

И в послевоенные годы старец Симеон продолжал жить в своей полуподземной келье. Как вспоминал один из старейших насельников обители – архимандрит Феофан (Молявко): «Жил он просто. Как войдешь в келью – прямо окно; по сторонам от него висели кресты; справа – койка, стол – слева, иконы – и в правом, и в левом углах. У кровати было вделано железное кольцо, за которое старец, когда стал слаб, цеплялся своей клюкой, чтобы подняться самому с постели. Никого не беспокоил. Добрый и скромный был старец».

Служение отца Симеона у Престола Божия действительно было молитвенным предсто- янием за весь мир! Глубина же внутренних воздыханий старца перед Господом оставалась неведомой никому. Бесспорными перед всеми были только результаты его сосредоточенного молитвенного подвига – всегдашнее мирное устроение духа, сострадание человеческим скор- бям и учительная духовная мудрость. Многие могли после встреч и бесед со старцем сказать: «Приди к духовнику с верою – и получишь рай».

Учил отец Симеон во время своих бесед с чадами самым, казалось бы, простым и извест- ным вещам. Но как он этому учил, с какой силой убежденности, искренности, с какой отече- ской заботой и твердостью! И подобно многим другим старцам, он четко определял круг обя- занностей православного христианина для наследования Жизни Вечной. Вкратце их можно свести к следующим основным требованиям духовного устроения человека:

- 1) вера в Иисуса Христа, Сына Божия;
- 2) любовь к Богу и ближнему;
- 3) соблюдение всех заповедей Божиих;
- 4) причащение Святых Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа;
- 5) добрые дела;

- б) пребывание в лоне Святой Православной Церкви;
- 7) искреннее и постоянное покаяние в своих грехах.

Сам следовавший этим законам христианской жизни, все более проникавший духом «в горяня» и все более сподоблявшийся Божественной благодати, старец восходил в эти годы «от силы в силу». Небесные дары Духа Святого все обильнее изливались через него вовне. Порой казалось, само Небо присутствовало в его убогой келье, освящая и весь окружающий старца мир.

Свидетелями Божественной благодати отца Симеона бывали его сотаинник и друг – отец Серафим и келейница матушка Александра, которая и рассказала, в частности, о таком удивительном случае.

Однажды батюшка Симеон читал правило в келье. И вдруг отец Серафим ощутил в это время необычайно прекрасный аромат, разлившийся по всему полуподземному их жилищу. Он начал стучать в стену соседней симеоновой кельи, говоря: «Что вы там, батюшка, делаете? Ко мне доносится от вас необыкновенное благоухание». Но батюшка не отвечал. Тогда отец Серафим вошел в келью старца, наполненную чудным благовонием, с тем же вопросом. Батюшка же повернулся от аналоя, у которого стоял на молитве, и, делая вид, что ничего необычного не произошло, сказал: «Да это всего лишь дымок из печки пошел, а вам показалось – благоухание».

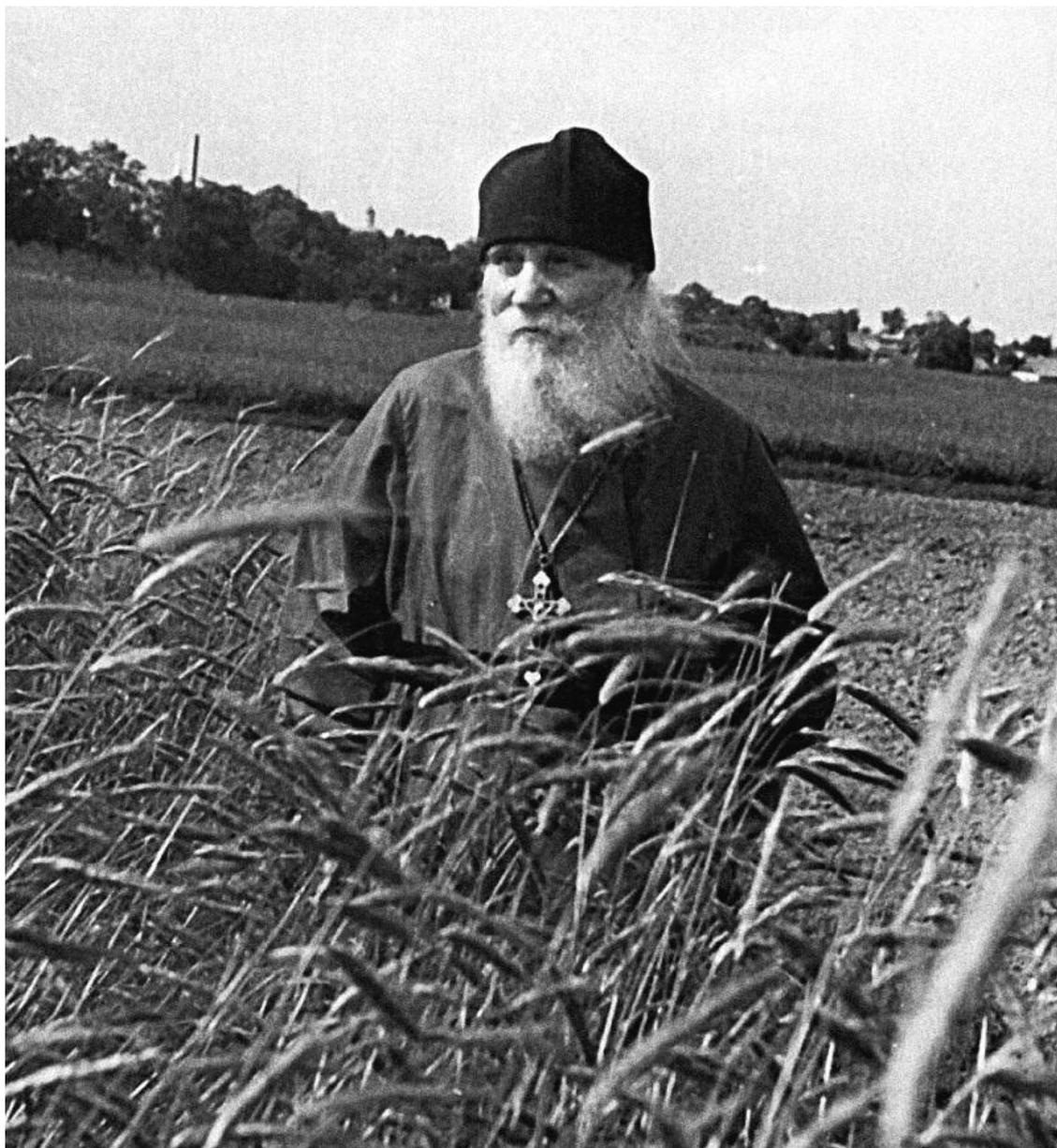
Вот насколько батюшка по своему смирению скрывал дарованную ему благодать и свое достоинство пред Господом.

Особая сила его молитвы проявлялась не только в часы молитвенного предстояния пред Богом в келье или в храме, но и в практической, хозяйственной жизни обители.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов, в период наместничества архимандрита Пимена (Извекова, будущего Патриарха), у обители были отобраны земли, использовавшиеся под посевы и огороды. Небольшой участок под огород оставили только за монастырем.

И вот на новой, никогда ранее не обрабатывавшейся, земле посеяли овощи, но никаких всходов семена не давали. Не раз архимандрит Пимен приходил к батюшке Симеону и сетовал, что всходов все еще нет. Наконец он пришел к батюшке и говорит: «Все зазеленело».

Оказалось, все эти дни отец Симеон ходил потихоньку на огород и молился. И Господь по его молитве послал добрые всходы, а затем такой обильный урожай, что во время крестного хода на праздник Успения Божией Матери один из насельников обители, бывший агроном А. Д., даже выставил охрану, чтобы народ не потоптал грядки. Все изумлялись и благодарили Бога за такое изобилие плодов земных. Так Господь отозвался на горячие молитвы отца Симеона. На молитве в огороде видела батюшку раба Божия Ольга, которую там в обеденный перерыв оставляли караулить монастырский инвентарь.

Старец иеросхимонах Симеон на монастырских полях

Предлагаем далее несколько рассказов о сердечной отзывчивости старца на человеческие скорби и житейские трудности, о реальной помощи людям в благом устройении их порой непростых судеб.

Из воспоминаний архимандрита Иеронима (Тихомирова)

Когда я приехал в святую обитель (это было в 1947 году, в мае месяце) и в первый раз пошел на прием к батюшке, он меня встретил, благословил и спрашивает: «Откуда прибыл и зачем?» Я говорю: «Батюшка, хочу остаться в монастыре». Я в это время ходил на костыле, в другой руке палка – здоровье было неважное¹⁰. Батюшка мне говорит: «В монастыре остаться – хорошее дело. Только так живи, чтобы для тебя было все свято – даже щепочки и травинки.

¹⁰ Судя по ответу отца Симеона, автор воспоминаний высказал опасение о возможности близкой смерти из-за ран. – *Сост.*

Тогда будешь жить». И он стал мне рассказывать, как поступил в монастырь и какие послушания нес: «Надо все послушания выполнять честно, беспрекословно и справедливо». <...>

Так и жил, выполняя послушания. А как только набегут разные помыслы, даже думаешь, что голова слетит долой или разорвется, или с ума сойдешь, тогда мчусь к батюшке. Он меня встречает: «Ну что? Говори», – а сам с улыбкой спрашивает: «Что – напали? Ну, говори, кто напал, что они тебе шепчут?». Я ему все и рассказываю. А батюшка: «Ишь... как им тошно... что хочешь от них уйти, их не слушать. Ну, хорошо, давай помолимся». Накроет меня епитрахилью, перекрестит и скажет: «Теперь не бойся!» И выхожу я от батюшки веселым и радостным, как будто свет переменялся и стал лучше. И это бывало много раз: так сильна была его молитва.

Однажды заболела у меня раненая нога, нигде места не находил. Был в больнице несколько раз. Ничто не помогает; предложили мне операцию сделать. Прихожу к батюшке и спрашиваю: «Как быть? Может, придется лишиться ноги». Он же успокаивает: «Нет. Будем молиться. Поезжай на операцию. Бог благословит – все будет хорошо». Так точно и вышло, по его молитвам. Прибыл я в Псков на операцию – пролежал четыре месяца. Когда делали операцию, я не чувствовал никакой боли. Это было в субботу: в то время шла литургия, и батюшка и братия молились с прошением к Врачу душ и телес о моем здравии. Операция прошла удачно. Через четыре месяца вернулся в обитель и стал ходить без протеза, благодаря Господа за Его милость, а батюшку с братией – за их молитвы...

Старец – утешитель [1950-е годы]

Некая раба Божия З., 38 лет, ленинградка, сообщила:

«Лет 10 назад я переживала большое горе – я была оставлена близким человеком, которого очень любила. Горю моему не было предела; мое отчаяние доходило до того, что я хотела покончить с жизнью. Но вот случайно я встретилась с одной духовной дочерью отца Симеона, и она настояла, чтобы я поехала к нему. Когда я вошла в келью, то залилась горькими слезами. Батюшка сказал: “Кого ты оплакиваешь? Ведь он не стоит твоих слез”. И вытер мне слезы, и благословил. Велел прийти на исповедь и причаститься. С той поры я даже забыла, что было у меня горе, и удивлялась, как я могла доходить до отчаяния, когда с нами Бог, когда на свете есть много хороших людей, когда так прекрасен мир Божий, и милость Его к нам неизреченна».

Нередко старец поддерживал и ободрял своих духовных чад письменно, посылая им ответы на вопросы духовного и житейского порядка, или желая просто укрепить их в трудных обстоятельствах. Не так давно отошла ко Господу одна из духовных дочерей старца Симеона, жившая неподалеку от Печор, в деревне Малы, всеми уважаемая матушка Анна, вдова местного священника отца Василия Роговского. Немало пришлось пострадать их семье от безбожной власти; побывали они и в сибирской ссылке. Но и в те тяжелые времена старец всегда помнил о них и стремился по-христиански поддержать, хотя бы словами утешения и надежды. Свидетельствует об этом долгие годы хранившаяся матушкой Анной открытка, полученная от старца в красноярской ссылке.

«Дорогим Василию, Анне и Марии сердечный привет с пожеланием доброго здоровья и всего хорошего. “Смирение, терпение и труд все перетрут” – говорит русская пословица. Вера в Бога, надежда на Бога – всё исправят, и Господь поможет». Так и произошло, как сказал отец Симеон. Страдальцы эти, перетерпев все скорби и беды, вернулись в родные места.

Многим помог отец Симеон своими духовными советами. Он умел находить слова, применимые к конкретным обстоятельствам жизни конкретного человека; указывал только тот путь, который мог привести его к желанному спасению.

Воспоминания об отце Симеоне Евдокии Вересовой

Отец Симеон – Царствие ему Небесное – мой наставник. Я к нему в Печоры часто ездила. О батюшке что я помню? Учил: молитесь, смиряйтесь. Благословлял часто причащаться. Я, бывало, приеду, побуду недельку, потом иду к нему: «Батюшка, благословите, домой поеду». А он: «Нет, оставайся еще на два денька, еще раз причастишься – тогда поедешь».

Мне говорил: «Да, это хорошо – святых Отцов читать, но лучше всего читать Евангелие. Книги – это хорошо, но лучше всего, полезнее и назидательнее – Евангелие».

За ним матушка Александра приглядывала. Она была раньше где-то в ссылке, а после войны к батюшке пришла; он ее к себе и взял в помощницы. Монахиня. Жила она в городе и приходила в монастырь каждый день, готовила старцу обеды, ухаживала.

Из воспоминаний Евдокии Вересовой мы видим, что отец Симеон придавал первостепенное значение Святому Причащению. Причем он всегда настаивал на том, чтобы причащались как можно чаще. В то же время старец часто подчеркивал необходимость ясного осознания нами постоянного нашего недостойнства принятия Святых Тела и Крови Христовых.

Большое значение придавал старец нравственной чистоте христианина. Он не терпел, например, лжи, и сам никогда и никому не лгал. Скорбел даже о малейшей душевной нечистоплотности и указывал на греховность такого состояния души ближнего.

Радостно-мирным духом отличался старец Симеон. Благоуветливым и мудрым иноком, благодарным Богу и исполненным Божественной любовью, предстает перед нами старец-провидец в воспоминаниях одного паломника, побывавшего в Печерской обители в 1952 году. Рассказ об этой, пусть и мимолетной, встрече со старцем исполнен неподдельной радости, причем особенно подчеркивается ощущение умиротворенности, которое пережил этот паломник в святых стенах древнего, «намоленного» Печерского монастыря.

...Вот он, слегка согбенный, сухой, вышел из выдолбленной в скале пещерки, своей кельи, прищуренными с темноты глазами окинул пустынный, залитый вечерним светом монастырский двор, с поклоном широко перекрестился перед воротами храма и медленной походкой направился к скамеечке перед широкой железной дугой на цепях¹¹, перед большой клумбой под нею с пышными разноцветными астрами, гладиолусами и бархатно-темными анютиными глазками. На нем черный куколь и мантия с белыми гробовыми позументом, крестом и адамовой головой над крестообразно сложенными двумя человеческими костями. А лицо схимника – лицо необыкновенной мягкости, легкой усталости и доброты – ничем не похоже на лицо аскета в западном понимании этого слова. Длиннопалая старческая рука, мозолистая и вместе с тем мягкая, как бы ищет человеческую голову – утешить, приободрить, приласкать.

Иеросхимонаху Симеону восемьдесят четыре года. Он, по словам его, из «низовых» людей, как, впрочем, и преимущественное большинство иноков, – в миру был столяром-краснодеревцем. Еще и сейчас в маленьких сенцах перед его кельей стоит верстак, и полка над ним полна резцов, долот, стамесок, лекал и точных маленьких фуганков, и в часы, свободные от молитвы, он всегда что-то выпиливает, выдалбливает, вырезывает, подгоняет, сколачивает, склеивает, а тридцать шесть тяжелых каменных, украшенных орнаментом тумб, держащих цепи, которыми опоясаны монастырские колодцы и цветники, – тоже труд его прилежных и неутомимых рук.

¹¹ Старинное монастырское «било», применявшееся некогда вместо колокола, и поныне находится на том же месте – около здания ризницы. – *Сост.*

Провидцем слывет у верующих людей края отец Симеон: многие его советы в делах – и общественных, и личных, сложных – сбываются подчас в полной точности.

– Да совсем я не прозорливец, – с легким смущением, с мягкой досадой в голосе говорит он. Великий дар прозрения дает Господь избранныкам Его, а тут просто долголетие мое помогает, – зашел в дом раньше других, вот и порядки его лучше знаю. Приходят ко мне люди с горестями своими и сомнениями, а взволнованный человек подобен ребенку, он весь на ладони. Случилось с человеком несчастье, вот он и точность душевных очей теряет, впадает либо в уныние и робость, либо в дерзость и ожесточение. А я и мирской круг хорошо знаю, и жизнь прожил долгую, и сам Господней силой огражден от бед и соблазнов, и как же мне в меру малых сил моих не поддержать брата моего, спутника на земной дороге, когда он притомился раньше, чем я...

Улыбка ложится на иссеченное морщинами лицо, из-под густых, сильно выступающих вперед бровей живо вспыхивают светлые глаза.

– Всяческой малостью, суетой, неведением, слепотою люди омрачают чудо, – поворачивается он к собеседнику. Дивный дар Господень – человеческая жизнь! Не купишь ее, не заработаешь, – на, человек, прими награду бесценную!.. Радость, радость, великая радость, – неторопливо протягивает он руку к горящим в закатном солнце золотым рипидам перед куполами собора, к вековым липам наверху, ко всему безмятежью, которым дышит этот тихий час уходящего дня¹².

Наши телесные недуги чаще всего являются следствием греховности души, и лечение больных страдальцев – особенно одержимых бесами – требовало от старца постоянной внутренней собранности и твердости духа. В обретении же этих истинно пастырских качеств ему способствовали: непрестанная молитва, полное доверие к Промыслу Божию о каждом человеке, знание человеческой психологии (из опыта жизни) и обостренность «внутреннего» зрения – прозорливость, которую отец Симеон, по свойственному ему смирению, предпочитал утаивать.

Из «Записок духовной дочери отца Симеона (рабы Божией Антонины, жительницы Печор, 65 лет), стоявшей на краю гибели и возрожденной старцем к новой жизни»¹³

1954 год. Я так устала от того состояния, в котором находилась: сердцем я протестовала, а отказаться не было сил. Каждый день я говорила себе: этот будет последний... И так тянулось время. И вот пришел конец: я решила 8 ноября окончить жизнь самоубийством.

План намечен: ночь с 7 на 8 ноября провести без сна. Восьмого, в 4 часа дня, старушка, которая жила у меня, должна уйти к родственникам в гости; я же открою газ и просто лягу спать. День настал – у меня исключительно покойно на душе. Старушка отправилась в гости не в 4 часа, а в 7 часов вечера. Я закрыла входную дверь и вот, вместо того чтобы пойти на кухню и открыть газ, иду к себе в комнату, достаю образ Спасителя, который хранился у меня в комодке, оставленный нищей, похороненной мной в 1939 году. До сих пор не понимаю, как все произошло! Я приставила образ к подушке на кровати, сама опустилась на колени и начала разговаривать с ним, как с живым! Говорила много, все, что у меня наболело, от чего я так устала, и я впервые так плакала. Сколько это продолжалось, я не могу сказать, и что было со мной – тоже не знаю, но только, когда открыла глаза, первое, что почувствовала – страшную

¹² Днепров Р. У святых пещер//Журнал Московской Патриархии. 1952. № 10. С. 26–27.

¹³ Судя по монастырским архивным данным, «Записки...» составлены в 1965 году.

боль в ногах. Я все еще стояла на коленях; поднялась, посмотрела на часы – было 8 часов утра. Умылась и пошла на работу, но я уже была другая, хотя что со мной – не понимала.

Придя на работу, я сразу же позвонила своей приятельнице Вере Б. Я знала, что на большие церковные праздники она куда-то уезжала – в какое-то святое место, но куда и зачем – меня тогда не интересовало. Звоню ей и говорю: «Ты должна отвезти меня в монастырь». Ответ: «Откуда ты взяла, что я могу выполнить твою просьбу? Это первое, а второе – о таких вещах по телефону не говорят». Как пробыла я этот день на работе, не знаю. В 5 часов я была уже на работе у Веры. Такое мое поведение удивило ее. Я же о своем состоянии ей ни слова не сказала, одно только просила, чтобы она поехала со мной. И, наконец, получила согласие. <...>

17 января 1955 года мы вступили в святую обитель. У Лазаревской церкви Вера оставила меня на тропинке обождать, пока она отнесет чемодан на скотный двор к тете Саше, чтобы не тащиться с ним в церковь. Было 5 часов 30 минут утра. И вот, когда я осталась одна, тут-то я вдруг воочию увидела Михайловский собор, который видела во сне еще в 1935 году и который все эти годы искала!

После службы сразу же пошли к отцу Симеону. Тогда паломников было немного, и в тот день, по Промыслу Божию, только мы с ней вдвоем и оказались у него. Входим в келью к батюшке. Вера первая подходит к нему под благословение. Он же ее благословляет, а смотрит на меня и говорит: «Вот и приехала, слава Богу». Подхожу я – благословил, взял за подбородок, поднял вверх мою голову, пристально смотрит в глаза и говорит: «Ну, вот и приехала... Да, смотри-ка, все та же: глаза, лоб, нос – да, все то же, совсем не изменилась!»

Это было уж слишком для меня – резко говорю: «Вы ошиблись, я никогда не была у вас и не знаю вас». Он же, не обращая внимания на мою вспышку, спокойно, с любовью, говорит Вере: «Идите, попейте чайку, а потом сразу же по одной зайдите ко мне». Но мне уже не хотелось заходить к нему, и я говорю Вере: «Ты как хочешь, а я не пойду. Он из ума выжил, с кем-то упорно меня пугает». А Вера просит зайти обязательно, говоря, что ей стыдно за мое поведение. Короче говоря, они с матушкой Александрой меня просто втолкнули в келью. Батюшка стоял перед иконами. У порога было два стула; на один из них он предложил мне сесть.

Потом, минуты через три, которые показались мне вечностью, он подошел и сел рядом со мной. Меня терзала мысль: «Как тактичнее уйти?» Не хотелось обижать старца. Сколько длилось наше молчание, сказать трудно; но, наконец, батюшка берет меня за руку и говорит: «Ну что же, доченька, с чего начнем? Отогревать эту рученьку застывшую, или сердце, которое больше заледеневши?» И этого было достаточно. Откуда взялись слезы, но я заплакала и тут же рассказала ему всю свою жизнь...

В заключение нашей беседы он мне говорит: «Хочешь, чтобы я был твоим духовным отцом? Но предупреждаю, что ты должна оставить свою прошлую жизнь. <...> Время шло; я часто приезжала в обитель. Жизнь моя изменилась совершенно. Прошло два года, а может быть, и больше – точно не знаю. Я взяла отпуск на Великий пост и приехала в обитель. Но враг рода человеческого не дремал: приготовил для меня такое искушение, что я и не знала, как дожить до утра, решила сразу же уехать и никогда больше не бывать в святой обители. Как ни старалась утешить меня раба Божия Матрена Арефьевна, она и сейчас посещает монастырь, но я твердо решила уехать.

Утром зашла к батюшке и попросила благословить меня на отъезд. Он мне говорит: «Вот пойдем сейчас в церковь, помолимся, а там, как Господь благословит». Что было со мной в церкви – знает только Господь... Прихожу в келью, прошу прощения и говорю: «Как ездила, так и буду ездить». А он мне на это отвечает: «Глупая ты моя, да отпустил ли бы я тебя? Однажды батюшка сказал: «Ведь два года я тебя ждал». Вот тут-то мне стала ясна та его первая встреча со мной. Но как я его ни просила в последующие годы подробно все рассказать о том, как он узнал обо мне и даже «видел» меня еще до нашей встречи, ничего не получилось. Однажды

на мои расспросы он так рассердился на меня, что даже сказал: «Никогда больше об этом не говори; достаточно с тебя того, что ты вынудила меня сказать о том, что я тебя ждал». <...>

Вся моя жизнь постепенно изменилась: я полностью выполняла благую волю батюшки. Правда, было два случая, когда я хотела поступить по своему желанию. Так, однажды хотела ехать через Псков и, конечно, настояла на своем. Батюшка говорит матери Александре: «Свари пяточек яичек, да огурцов и помидоров собери и намажь хлеб маслом». Все это она принесла ему в келью, он завернул в пакет и подает мне. Я, конечно, возмутилась и говорю батюшке: «Зачем все это мне, когда я вечером буду пить чай дома?» Он строго приказал мне взять, сказав при этом: «Может быть, сломит твое упрямство». И что же? В Пскове я просидела двое суток – никак не могла выехать. Кроме того, я очень не хотела переезжать жить в Печоры и всеми силами старалась доказать батюшке мое нежелание, ссылаясь, главным образом, на квартирные условия. Он же мне на это сказал: «Твори свою волю, но знай и мою. Квартиру тебе я сам найду, – по его просьбе Нина Ананьевна искала квартиру для меня, – а ты после моей смерти переедешь!» Так все и получилось.

О том, что батюшка великий молитвенник Божий и имеет дерзновение ко Господу сейчас и помогает нам, расскажу такой случай. Прожила я полтора года после его смерти, и вдруг в сентябре 1961 года во сне приходит батюшка ко мне и говорит: «Доченька, собирайся». Я, как всегда, не задала вопроса – куда, а лишь спросила батюшку: что взять с собой? Он отвечает: «Ничего, только носовые платочки». Я говорю: «Вот, как всегда, шутите», а он отвечает: «Нет, доченька, не шучу. Возьми побольше платочков». И что же? Прошло немного времени, и меня вызывают в прокуратуру по вопросу о детском доме, в котором я работала; и, конечно, мне пришлось много пережить (и слез пролить – вот и платочки!), но кончилось все очень хорошо.

Отец Симеон с духовными чадами

Даже по одной этой исповеди благодарной человеческой души можно судить о том, сколько же терпения и всепрощающей любви было нужно иметь старцу Симеону, чтобы день за днем выдерживать тот напор человеческих страстей, что обрушивали на него приходившие за помощью и советом. Сколько было нужно преодолеть их своеволия, самости, поначалу почти полного духовного невежества. Как много сил нужно было им отдать!

Таким же глубоким уважением к памяти старца отмечены и записки еще одной его духовной дочери, составленные в самом начале 1960-х годов.

Страница воспоминаний (рассказ духовной дочери старца Симеона, жительницы города С.)

<...> Как-то я увидела на столе у своей подруги среди иконок и фотографий фото этого батюшки, о котором слышала от нее много рассказов. Я сказала: «Как бы я желала с ним познакомиться, или хотя бы получить от него фотографию». – «А он тебе пришлет; я верю, что пришлет», – убежденно ответила она. «Но ведь я с ним не знакома», – возразила я. «Если имеешь сердечное желание, то он все знает и обязательно пришлет снимок», – сказала подруга, исполненная детской, наивной, как я считала, верой в то, что так точно и будет. И действительно, желание мое вскоре осуществилось. Прошло некоторое время... Однажды мы приехали в Печоры вдвоем с моей дочерью Л. Батюшка исповедал нас у себя в келье. На прощанье он вдруг сказал: «А отец-то ведь у вас больной». – «Нет, не больной, батюшка, – возразили мы. – Он ни на что не жалуется». – «Как же не больной, – продолжал батюшка, – ведь у него грыжа справа в паху. Она бывает и слева, а у него – справа». И как бы в подтверждение своих слов батюшка рукой слегка показал, где находится грыжа. «Скажите ему, – говорил наставительно старец, – пусть операцию не делает, а то умрет. Пусть носит бандаж». С этими словами, получив благословение, мы и вышли из кельи старца.

Домой возвращались взволнованные. Находясь под впечатлением от слов батюшки и боясь за судьбу мужа, я по дороге купила бандаж, веря в предсказание старца. Приехав домой, мы рассказали мужу о своей поездке, не забыв, конечно, упомянуть и грыжу, о которой все толковал что-то батюшка. «Ты разве болеешь? – спросила я мужа. – Вот я купила тебе и бандаж, как велел батюшка».

Можно себе представить, каково же было удивление моего мужа, какое впечатление произвели на него последние слова старца, раскрывшего нам глубокую мужнину тайну. Скрывавший от нас свою болезнь, потрясенный прозорливостью батюшки, он сознался нам в своем тайном намерении лечь на операцию, страдая грыжей справа в паху. Так была предотвращена возможная его смерть, предвозвещенная старцем, жившим от нас за десятки сотен километров. Мой муж после этого носил бандаж и благодарил Бога и старца, избавивших его от неминуемой смерти. Мы тогда строились, и ему одному приходилось поднимать тяжелые бревна, но, по милости Божией, с мужем ничего не произошло...

Другим характерным случаем было предсказание батюшки о моем сыне. Признаться, в своем материнском сердце я хотела бы видеть его в каком-нибудь духовном сане. С таким желанием я и обратилась тогда к батюшке: «Батюшка, помолитесь о моем сыне. Мне очень хочется, чтобы он учился в семинарии». Батюшка, посмотрев на меня, кротко ответил: «Ты хоть и хочешь, чтобы он был попёнком (так батюшка ласково называл молодое священство), но этого ему власти не дадут». Предсказание батюшки исполнилось. Сын мой тогда изредка прислуживал у архиепископа Н. В тот же год, узнав о его желании учиться в духовной школе, сам Владыка, по весьма важным мотивам, касавшимся самой судьбы семинарии, отговорил моего сына от учебы в ней, и последний поступил в один из городских институтов.

...Хочу рассказать еще об одном случае.

Был у меня родной брат. Сильно обижал он нас – и словом, и делом. Да к тому же еще и пристрастился к вину. Как трезвый – так вроде бы и ничего, а как пьяный напьется – беда с ним. Все грозился убить или сжечь меня. Придя с фронта, он не нашел счастья семейной радости, стал пить, гулять с женщинами, пропадать днями из дому, дебоширить.

Я как сестра просила его отстать от всего этого и начать трезвую христианскую жизнь. Мои наставления, горькие упреки сильно озлобили и раздражили его: пьяный, он приходил в бешенство и, грозно размахивая кулаками, обещал убить меня или искалечить всю мою жизнь. Не раз, держа за пазухой бутылку с керосином, он в таком состоянии намеревался поджечь наш дом, но всякий раз милость Божия спасала нас.

Я начала свою печальную повесть о моем брате, ныне уже покойном, только потому, что конечная судьба его тесно была связана в своем исходе с батюшкой. После того как мы много претерпели от брата, я, приехав в Печоры, сказала отцу Симеону: «Батюшка, что нам с ним делать? Пьет много, ночует с женщинами, грозитя убить. Я боюсь, как бы он не спился: ведь тогда за него как за сущего самоубийцу и молиться нельзя будет».

Батюшка ответил: «А ты молись, молись за него, не давай ему гибнуть. Бесы ходят за его душой. Прилепись и ты к нему всей душой. Проникни к нему туда, где он живет, напиши молитву “Живый в помощи”, 90-й псалом, и заложи ее за косяк над дверью, чтобы он входил и выходил через сию молитву – защитницу нашу от бесов: и нигде его не убьют, не задавят и не опьется он. Господь не даст ему погибнуть». И батюшка сказал мне, какие читать псалмы за брата. Я все так и делала, как велел мне добрый старец.

Шло время... По благословию батюшки мой сын поехал в Печоры, чтобы укрепиться духом веры, освятиться благодатью, почерпнуть нового, интересного для своей духовной жизни. С ним мы послали письмо батюшке, где упоминали о моем брате и о его прежней пьянке и распутной жизни, просили святых молитв и ответа, что делать дальше? Но, приехав в монастырь, сын все затягивал исполнение наказа побеседовать с батюшкой. Пролетали дни монастырской жизни, несло время среди трудов и молитв. Незаметно прошли две недели, и надо было уже думать о возвращении домой, а письмо наше по-прежнему лежало в кармане, непрочитанное старцем.

Не получив от сына ответа из монастыря на наш вопрос, мы тогда послали сыну другое письмо, где было и прямое обращение к батюшке: «Дорогой батюшка! Сколько нам еще от моего брата терпеть и ждать? Или бы уж он умер скорее, или же бросил свою дикую распутную жизнь! Сил моих больше нет видеть и терпеть все это. Помолитесь». Я сделала и приписку к сыну: «Сыночек, почему ты ничего нам не сообщаем о письме и ответе старца – что тебе батюшка сказал?»

А в то самое время, когда письмо было еще в пути, батюшка как-то похлопал нашего сына по плечу и сказал: «Ты сегодня на братскую трапезу не ходи, а придешь обедать в мою келью. Мне нужно тебе кое-что сказать». После обеда старец посадил сына рядом с собой и ласково сказал: «Ну, пиши матери, что брат ее скоро умрет. Довольно уж, скоро он освободит ее». Потом, как бы в задумчивости, спросил сам себя: «Обопьется он или умрет своей смертью?» И с твердостью ответил: «Нет, умрет своей смертью».

«Батюшка, – встрепнулся сын, – а я и не сказал еще вам, что мама велела спросить о нем, просила передать и письмо – простите меня!» – «Ничего, ничего, Бог простит тя, чадо мое!», – сказал старец. Получив благословение, сын уже вышел из кельи старца на площадь, когда навстречу ему попался монастырский почтальон. Последний спросил юношу: «А ты не знаешь, кто здесь из С.?» – «Я», – ответил сын и, взяв конверт, вскрыл его. Но ответ на это письмо был уже получен всего несколько минут назад!

Удивительная история и удивительный конец... Через месяц мой брат вдруг умирает неопределенной смертью: его нашли на третий день в закрытой комнате, в ужасном виде. Осмотрев тело, врачи дали заключение, что брат умер якобы от запоя – противоестествен-

ной смертью; и лишь при вскрытии тела обнаружилась его еще фронтальная болезнь, непосредственно и приведшая к смерти. Медицинская экспертиза установила, что он умер от тотального воспаления правого легкого. Крайне расстроенная смертью брата, особенно из-за первого врачебного заключения, я тут же послала батюшке в монастырь срочную телеграмму с вопросом: «Что делать? Как хоронить? Не знаем, какой смертью он умер. Отпевать его или не отпевать?»

Два дня брат лежал непогребенным – ожидали ответа из святой обители. И вот ответ пришел. «Он умер своей смертью», – ответил старец. Так кончились мои мучения. Правда, по молитвам батюшки, в самое последнее время своей земной жизни мой брат как-то ко мне изменился: стал ласков, услужлив и тих. Помню, дней за семь до смерти он где-то ночевал, рано утром перелез к нам через забор – весь замерз, сжавшись, дрожит. Подошел ко мне и тихо сказал: «Нюра, а какая ты у нас хорошая, – и, словно сконфузившись своих слов, добавил, имея в виду моего мужа, – он-то дома? Выпить, помириться бы с ним надо». Видно, болело сердце его, предчувствуя вечную разлуку с землей.

В последние дни сильно беспокоили его бесы в образах женщин. «Замучили они меня до смерти, еле остался жив», – жаловался он. «Исповедаться в грехах, причаститься тебе надо. Я позову батюшку, ведь ты больной», – говорила я. «Нет, не надо, – категорически возражал брат. – Я не хочу, чтобы ко мне, такому, шел батюшка. Поганый я, Нюра, – сквозь слезы шептал он. – Я, как выздоровлю, сам схожу в церковь». Тогда он уже был плох здоровьем. Но так и не осуществилось его тайное сердечное желание – принести глубокое покаяние, примириться, соединиться навеки со Христом, милующим великих грешников, спасающим блудников, мытарей, пьяниц и разбойников. Одним из них сознавал себя и мой брат.

Молитву «Живый в помощи» я нашла уже за полкой. Покойный, видимо, найдя ее, вынул из-за косяка и по внушению злого духа положил ее за полку, а на прежнем ее месте лежал густой слой пыли.

...Великим светильником веры, всегда горящим и светящим, предстает перед нами батюшка иеросхимонах Симеон, благодатный старец Псково-Печерского монастыря. Господу нашему слава во веки веков. Аминь.

О способности старца к духовному видению (иногда моментальному) человеческой личности сохранилось немало воспоминаний его современников: несколько записей сохранились в монастырском архиве; некоторые сведения удалось получить от его ныне здравствующих духовных детей. Так предоставим же слово этим благодарным свидетелям.

Из воспоминаний протоиерея Евгения Пелешева, настоятеля храма святой великомученицы Варвары в Печорах¹⁴

...Произошел этот случай примерно в 1951 году, когда я был еще мирянином – молодым послушником, тут, в монастыре; жил я тогда со звонарями в звоннице.

И вот как-то сидела у отца Симеона в келье его духовная дочь Устинья. Вдруг отец Симеон выглянул в окно и говорит: «А вон попик бежит». Он нередко так молодых священников называл.

¹⁴ Рассказано отцом Евгением составителям жизнеописания летом 1994 года.

Протоиерей Евгений (Пелешев)

Устинья тогда тоже посмотрела в окно, но не увидела там никакого священника; видит – только послушник Евгений куда-то торопится: «Да это же Женька!» Но отец Симеон тут же ей подтвердил, что Женька этот, то есть вот я, станет священником.

Устинья потом передала все своей знакомой Марии, а Мария спустя уже много лет, незадолго до своей смерти поведала об этом случае прозорливости старца Симеона мне. Рассказала она это году так в 1977-м – я уже тогда был протоиереем.

Из воспоминаний игумена Давида (Попикова)¹⁵

...У отца Симеона в келье был как-то раз отец Пимен, тогдашний наместник монастыря. Минут через пять после его ухода зашел к старцу отец Нафанаил и заговорил о нем с отцом Симеоном: «Какой видный и разумный у нас наместник! Он, пожалуй, мог бы быть и архиереем». Отец Симеон возвел глаза вверх, к иконам, и сказал задумчиво: «Он будет не только архиереем, но и Патриархом». Так и случилось. Отец Нафанаил сам об этом рассказывал¹⁶.

Спасение от гибели рабы Божией Марии (по рассказу матушки Александры)

Некая Мария приехала на несколько дней в обитель во время отпуска. Чтобы вернуться по его окончании на работу, она должна была выехать в определенный день. Мария пришла к батюшке, чтобы благословиться на выезд вечером, а старец сказал: «Поедешь завтра». Она стала батюшку уговаривать, убеждала, что завтра должна быть уже на работе, а отец Симеон опять говорит: «Ну и что же – завтра поедешь».

Тогда Мария пошла к матери Александре и стала просить ее, чтобы она уговорила батюшку благословить ее на выезд. Они начали старца вместе уговаривать, но батюшка спокойно сказал: «Поедешь завтра». Мария послушалась отца Симеона, осталась до завтра; утром и получила благословение на отъезд. Через несколько дней она прислала письмо, в котором сообщила, что с поездом, на котором ей не было благословения ехать, случилось крушение. Дорогой наш пастырь и отец следил за своими овцами – поэтому он так мил и дорог нашим сердцам, поэтому и стремятся к нему душою и телом за тысячи километров.

Последствия непослушания старцу рабы Божией Любови (по рассказу матушки Александры)

В день своих именин из Пскова в Печоры приехала в обитель Люба помолиться, а к вечеру ей надо было вернуться в Псков, так как там должны были ожидать ее гости, приглашенные на именины. После службы Люба зашла к отцу Симеоноу взять благословение ехать

¹⁵ Сообщено игуменом Давидом составителям жизнеописания летом 1994 года в Печорах.

¹⁶ О замечательном единстве православного опыта подвижников и в такой особо сложной сфере духовной жизни, как христианские пророчества, еще раз свидетельствует следующий удивительный факт: о будущем патриаршестве Владыки Пимена тогда же предсказала и известная подвижница соседнего с Печерской обителью Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря в Эстонии блаженная старица Екатерина (Е. В. Малков-Панина; 1889–1968). Об этом случае пюхтицкая монахиня Е. позднее вспоминала так: «Многое мать Екатерина провидела. За много лет вперед знала, например, кто Святейшим Патриархом станет. Владыка Пимен, когда еще наместником Псково-Печерского монастыря был, к нам в обитель часто приезжал. Один раз рано утром мать Екатерина будит меня: «Вставай! Святейшего встречать будем! Ты как, по правую сторону встанешь или по левую?» – спросила она и одела меня как иподиакона и сама полотенцем крест-накрест опоясалась. Пришел Владыка Пимен к нам в богадельню, гостинцы принес – мандарины, конфеты, розовое масло. Мы с матерью Екатериной встречали его в дверях как два иподиакона. Она ему «Ваше Святейшество» говорила». Но более того! Точно так же она предсказала патриаршество и нынешнему нашему Первосвятителю – Святейшему Патриарху Алексию II (см.: Блаженная Екатерина, подвижница Пюхтицкого монастыря//Русский Паломник. 1996. № 13. С. 26). – *Сост.*

домой. Но батюшка в тот день ехать не благословил. Люба его уговаривала, что ее ведь будут ждать дома гости, приглашенные ею к вечеру на именины. Батюшка же благословения на отъезд все не давал. Тогда Люба пошла к матери Александре просить, чтобы та уговорила старца. Вдруг попала грузовая машина, водитель которой согласился подвезти именинницу к назначенному месту. Мать Александра ушла, довольная тем, что она проводила Любу вовремя.

Но не получилось, как рассчитывала Люба, – попасть на свои именины, где ее ожидало много гостей. Машина попала в аварию, и все пассажиры были выброшены из нее, получив ранения. Вместе с ними попала в больницу и Люба; вместо именинного накрытого стола она увидела покрытый простыней больничный операционный стол. Так потом она писала об этом матери Александре.

Вот что значит не считаться с благословением старца и настаивать на своем желании. Плачевны результаты нашего своеволия! Старец духом видел, что может случиться беда, потому и не благословлял.

* * *

Печерский старец Симеон мог, как мы знаем, и молиться в огороде о даровании «плодов земных» для монастырской братии, и переживать о сохранении от воровских рук только что купленного поросенка. О последнем случае очень живо и непосредственно рассказывает в своих воспоминаниях Александра Петровна Васильева (Царева), жительница Пскова. Александра Петровна постоянно посещала старца в послевоенные годы, была его духовной дочерью.

Из воспоминаний А. П. Васильевой (Царевой), духовной дочери старца Симеона¹⁷

...Отец Симеон никогда не отпускал нас без причастия. Когда мы приезжали с сестрицей, он всегда говорил: «Вы что – приехали огня высечь?» Хотя мы часто ездили в Печоры и по хозяйству, на ярмарку, мы всегда имели в виду, что будем у отца Симеона и что для встречи с таким великим старцем нужно непременно подготовиться относительно исповеди. Он так говорил: «Огня высечь» – это чтоб мы без причастия не уезжали. «Вы в Печоры напрасно не являетесь, – говорил он, – я вас так просто не отпущу, не дам вам благословения уехать без принятия Святых Христовых Таин». Тогда мы оставались, ночевали: в гостиницу он нас направлял.

А я, можно сказать, каждую неделю к нему ездила – очень много было связано с ним событий.

...В 1951 году сын наш в армию ушел. Мы, конечно, молебен заказали; отпустили в армию и, хотя он и не был комсомольцем, думали, что теперь уж он не наш – там уж его обрабатывают. И вот я, когда со старцем Симеоном беседую, то о сыне молчу: отслужили молебны – и дело с концом. А жили тогда у меня два племянника – по комнате занимали. Познакомились они с девушками и спрашивают: что если им жениться и всем у меня жить? Думаю, будет ли на это благословение? Я ведь без совета старца, конечно же, решить это дело не могу – как батюшка скажет.

Рассказала ему обо всем – может, пустить молодых? А батюшка и отвечает: «Вот как: ни тому, ни другому сейчас жениться нет моего благословения. Наведут они комсомолок неверующих, они свою волю возьмут да тебя из дома-то и выгонят. И тебе на то, чтоб кого пустить, нет от меня никакого благословения». Потом говорит: «Все о племянниках заботишься. А о

¹⁷ Сообщено А. П. Васильевой составителям жизнеописания в 1993–1994 годах в Пскове.

сыне, о сыне-то своем, что же не беспокоишься?» Я отвечаю: «Что ж теперь – сын? Это теперь – на волю Божию. Он в армии, и не знаю, что с ним: Господь ведает.

Молебны за него послужили: Ангелу Хранителю, Ангелу его – Иоанну Крестителю Господню, Матери Божией, Спасителю, Михаилу Архистратигу, Иоанну Воину, а всего семь молебнов отслужили. Теперь – Божия воля... Не знаю, что с ним будет». А батюшка и говорит: «Молебны – это очень хорошо. Но только сейчас сугубая молитва нужна: над сыном вашим нависла черная туча – может не вернуться. Иди сейчас же в Успенскую церковь, становись на колени перед иконой Царицы Небесной «Всех Скорбящих Радость» и стой так до тех пор, пока подойдут все к елеопомазанию; а потом и до конца службы достой и вернись, зайди ко мне». Я так и сделала. Стояла я и знала, что теперь надо не так просто стоять, а просить Божию Матерь с глубокой верой... Это матерям такое назидание: каждой матери советую так. И вот, знаете, стояла я и море слез, наверное, пролила. И просила Божию Матерь отвести эту беду от сыновней головы. Потом захожу к батюшке, и он говорит: «А вот и миновало!» – «Батюшка, – спрашиваю, – а что же миновало?» – «Беда великая миновала; Матерь Божия отвела эту беду. А то ты своего сыночка больше бы и не увидела». – «Ну как же, батюшка, что там было бы? Скажите, Христа ради!»

Вижу – задумался он: говорить или не говорить? Может, думаю, и недостойна я знать. Но батюшка так сказал: «Вот сын твой уже фельдшер, и теперь его бы принудили учиться на врача (а тогда три года служили) и отправили бы его так далеко, так далеко, что он больше бы и не вернулся. Еще его и в партию стали бы тянуть – уж и начали... Не дай Бог, не дай Бог!» Так и сказал и осенил себя крестным знаменем: «Не дай Бог, чтобы это случилось!.. А теперь он будет священником!» Я даже возмутилась, говорю: «Как так? Чтоб от нас, недостойных, ведь мы люди совсем мирские, светские, и совершенно не годимся к этому, чтоб от нас произошло такое великое таинство, это священство? Я ведь знаю, что это такое: величайшая благодать Божия для этого должна быть!.. Мы праздников не нарушаем, чтим праздники, в церкви всегда в воскресенье – и муж, и я. Но мы обыкновенные люди, рабочие, недостойные. Откуда же у нас, таких, и сыну быть священником?» А батюшка и говорит: «Господь и из недостойных производит достойных. Да, да, – говорит, – пять лет сынок твой на селе послужит, а потом и Троице Святой поработает». Так вот можете себе представить? Все так и свершилось!

Пять лет сын в Печках, в Георгиевской церкви служил – день в день: как в день Никандра преподобного начал, так в этот же день через пять лет и закончил. А вот когда батюшка сказал, что сын Троице Святой послужит, то сколько времени – не сказал. Но уже с 64-го или с 65 года, 30 лет, как сын мой Иоанн Самой Святой Троице священником служит в Невеле в Троице-Преображенской церкви! Перед принятием сана сыну жениться надо было. В Пскове были хорошие невесты, достойные. От всего сердца имели мы в виду и дочь печорского регента Вехновского. А она еще совсем молоденькая была, ей даже для регистрации немного возраста не хватало. Раньше-то сын хотел остаться неженатым, может, и в монастырь пойти. Но батюшка отец Симеон сказал: «Нет, я тебя на это не благословляю. Тебе трудно будет духовно устоять в монастыре, даже и у нас искушений от мира много. Я тебя благословляю в миру, женатым быть. И невесту благословляю взять поближе от монастыря – регентову дочь. У нее и деда и прадеды священники. Она тебе будет хорошей помощницей. Так что твое благословение – быть семейным. И дети будут. Много не будет, но средне будет: почитай, целая деревня».

Вот как старцы-то – они и браки благословляли... А матушка вышла для сына очень даже хорошая: воспитала детей в вере в такое трудное время. Отец Николай, что на Залите служит, тоже одобряет, говорит, что «отец Иоанн не проженился».

...А вот еще случай был совсем мирской, но и тут отец Симеон свою прозорливость показал. Нам бы за легкомыслие наше попенять надо: что мы хотели у него благословение взять на одно дело – да не взяли, а он, наоборот, нам еще и помог. Случилось это в середине 1950-х годов. Как-то мы с папашей моим поехали в Печоры на ярмарку; там 1-го и 15-го,

дважды в месяц, тогда ярмарки бывали. А нам нужно было поросенка купить. Но перед тем собирались мы к батюшке зайти за благословением и даже накануне приехали. Утром пошли и не удержались, заглянули по дороге на базар: так, посмотреть, что есть. Глядим, а там так быстро все разбирают. А папаша мой умел хороший выбор сделать.

Вот он и говорит: «Дочуша, давай возьмем этого боровка. А то, пока мы сходим за благословением, его другие купят». Я спрашиваю: «Как же без благословения?» А папаша: «Потом сходим; может, и благословит так – и хорошо будет». Но с поросенком-то в монастырь не пойдешь. Папаша и решил: «Снесем-ка его тут рядом в дом, у знакомых оставим». Договорились. Занесли поросенка в дом на горе: как в Печоры въезжаешь – красивый желтый дом с воротами; там его и оставили. Хозяин тамошний – тот выпивал: ему все равно; а хозяйка – та с удовольствием, она нас хорошо знала. Открыли нам чуланчик, накормили мы боровка, заперли; хозяйка ключ себе в карман положила – и всё. А мы к отцу Симеону пошли.

Приходим: «Батюшка, вот так и так» – объясняем, что поросенка купили, да без вашего, мол, благословения... Какой-то еще будет? А батюшка и говорит: «Будет-то хороший... Да вот только как бы его не унесли... А вот сейчас его у вас и украдут». Мы отвечаем, что «нет, не украдут, он заперт – под ключом». А батюшка все свое: «Нет, нет, его сейчас украдут, украдут». Потом говорит: «Беги, Александрюшка, беги скорее, – а сам мне просфору дает, завертывает в бумажечку, – бегом беги, и в гору все беги, беги, а то сейчас его уведут... А папаша пусть остается. И ты потом возвращайся». И вот прибегаю я к этому дому. Уже не в те ворота иду – там лошадь чья-то заведена и закрыто; я с другой в двери вбегаю.

Слышу разговор на дворе: по-эстонски говорят. Смотрю: двое мужчин, лошадь, сани с решеткой – с озадками, а в решетке – наш поросенок! Стоят эти двое с хозяином дома и рассчитываются – дают ему 350 рублей за поросенка: тогда это деньги были немалые. А я-то бежала прямо через коридор – видела уже, что чулан открыт и все сено разбросано: хозяин замок сорвал – на водку деньги понадобились. И вот вижу: деньги ему отсчитывают. Я кричу: «Граждане, прекратите! Вы что тут делаете? Этот поросенок арестован! Сейчас здесь милиция будет». А эстонцы отвечают: «Так мы же купили – вот хозяин». Я говорю: «Не платите деньги – никакой это не хозяин». Тут «хозяин» как пустится бежать – он хоть и немного, но знал меня. Хорошо, что они деньги у него успели отобрать... Убежал. Я, конечно, поросенка сразу взяла. Да тут же и отправила к нам – нашлась машина из нашей стороны: увезли.

Вернулась я в монастырь к отцу Симеону. Батюшка говорит: «Животина-то будет хороша, да вот видите – сейчас бы у вас ее и украли». Такой был прозорливец!

...Я часто к нему приезжала. Вот так приехала я как-то к батюшке рано утром, а в этот день выборы проводились – голосовать надо. Говорю: «Вот, батюшка, я приехала литургию постоять у вас, причаститься, а потом уеду – я спешу, голосовать нужно». А он смеется: «Это игра в снежки. Не надо никуда ехать. Оставайтесь – у меня побудете». Я говорю: «Я же тогда не проголосую, и моего голоса не будет!» – «Ничего, – отвечает, – ничего, как-нибудь уж переживут, как-нибудь без нас обойдутся. Все это – игра в снежки, пусть поиграют. Оно ведь и так, и этак: все равно всех выберут, и все пройдут – и без наших голосов; без пользы все это. Оставайтесь-ка лучше тут; а я буду принимать вас: побеседуем – будем за Царство Небесное “голосовать”!».

...Батюшка меня учил читать не только одно Евангелие, но и Псалтирь. По умершим я много читала – это не в похвалу себе говорю. В Псалтири 118-й псалом, 17-ю кафизму, нужно больше читать – для смирения. Это его благословение – так и сказал: «Это спасет тебя». С 1950-х годов-то я и на память выучила. Евангелие, по его совету, я по три главы в день прочитываю. Батюшка говорил: «Старайся молиться даже во время беседы; больше слушай не себя, а других людей; а мысли свои в то же время занимай Иисусовой молитвой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.